74 02/91

74/02/91

I. ЛУНДЕЛЬ

ОБЪ
ИЗУЧЕНІИ ГОВОРОВЪ

Перевелъ А. ВАСИЛЬЕВЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2
1887

I. ЛУНДЕЛЬ

Гу 02
91

ОБЪ
ИЗУЧЕНІИ ГОВОРОВЪ

Перевелъ А. ВАСИЛЬЕВЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2
1887

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, согласно постановленію Отдѣленія Этнографіи отъ 13 мая 1886 г.

Секретарь Общества *А. Григорьевъ.*

30 ноября 1886 г.

18303
6/II 1924

ПРИЛОЖЕНІЕ къ т. XXII Извѣстій Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОБЪ ИЗУЧЕНІИ ГОВОРОВЪ.

Рѣчь, произнесенная І. А. Лунделлемъ на второмъ съѣздѣ скандинавскихъ филологовъ въ Христіаніи 11-го августа 1881 года.

Желая въ немногихъ словахъ охарактеризовать современную лингвистику, сравнивъ ее съ періодами, когда ея задачи и методы были опредѣлены Боппомъ и Яковомъ Гриммомъ, а также и ихъ современниками и непосредственными учениками, слѣдуетъ сказать, съ одной стороны, что она стала болѣе критическою, оставивъ съ извѣстною уступкой метафизическіе вопросы, рѣшеніе которыхъ не представляется еще возможнымъ; съ другой стороны, что теперь болѣе, чѣмъ прежде, занимаются *живымъ* языкомъ, стремясь достигнуть его при помощи письменныхъ знаковъ, на которыхъ нѣкогда останавливались слишкомъ часто, и, слѣдовательно, придавая болѣе важности *современному* языку. Явленія языка были разъяснены совершенно новымъ способомъ, путемъ вѣрной оцѣнки силы фонетическихъ законовъ и вліянія, произведеннаго на развитіе языка нѣкоторыми психическими законами.

Главный интересъ, приносимый нашими современниками при научномъ изученіи *говоровъ*, находится несомнѣнно въ тѣсной связи съ новыми стремленіями лингвистики. Правда, этотъ интересъ уже не новость, какъ у насъ въ Швеціи, такъ и въ другихъ странахъ: съ 17-го столѣтія онъ проистекаетъ изъ выгодъ національныхъ и археологическихъ. Но изученіе нарѣчій не имѣло вовсе тѣсной связи съ лингвистикой, пока послѣдняя занималась исключительно архаическими формами языка, тѣмъ болѣе интересными, чѣмъ древнѣе онѣ были. Находили удовольствіе выискивать въ говорахъ слова, которыя встрѣчались въ древней литературѣ, не на-

ходясь въ современномъ книжномъ языкѣ. Интересовались тѣмъ, чтобы имѣть словари говоровъ, и *существованіе* словъ было главнымъ дѣломъ; отсюда выходило, что все, извѣстное уже изъ книжнаго языка или изъ другихъ говоровъ, было лишено всякаго значенія. Въ настоящее время изслѣдованія говоровъ происходятъ при совершенно иныхъ условіяхъ, такъ какъ эти изслѣдованія составляютъ часть лингвистики. Однако, вполнѣ естественно, чтобы труды по старому методу продолжались еще нѣкоторое время рядомъ съ новыми методами.

Въ ту пору, когда интересъ къ говорамъ образовалъ въ различныхъ мѣстностяхъ *скандинавскаго сѣвера* многочисленныя общества, имѣющія цѣлію сохранить эти говоры для національной культуры и для науки, записывая народныя формы, которыя день ото дня все болѣе погибаютъ; когда, сверхъ того, критикѣ представляется нѣкоторое число показаній и сочиненій, изложенныхъ по новѣйшимъ методамъ, вопросъ о *темѣ* и *методѣ* этого изученія долженъ, мнѣ кажется, интересовать всѣхъ скандинавскихъ лингвистовъ. Я вовсе не буду говорить здѣсь о методѣ, котораго слѣдуетъ держаться при изученіи того или другого говора или говоровъ того или другого языка. Такъ какъ роль, которую играетъ изученіе говоровъ въ наукѣ, всюду одна и та же, то вопросы о темѣ и методѣ этого изученія входятъ въ область лингвистики или общаго языкознанія.

То, что̀ я разумѣю здѣсь подъ словомъ *говоръ (folkmål)* или нарѣчіе, достаточно ясно, такъ что я могу избавить себя отъ изложенія его опредѣленія. Здѣсь идетъ рѣчь не о древнихъ діалектахъ, которые извѣстны намъ теперь лишь по письменнымъ памятникамъ. Говоръ слѣдуетъ разсматривать какъ нѣчто противоположное *языку образованныхъ классовъ*, который, хотя и измѣняется въ различныхъ провинціяхъ чертами свойственными говорамъ, представляетъ собою, однако, нѣчто другое, чѣмъ сами говоры. Письменное преданіе о прошломъ состояніи языка можетъ быть лишь отрывочнымъ съ точки зрѣнія матеріаловъ, а равно и формъ, между тѣмъ какъ *живой* языкъ представляетъ все разнообразіе своихъ сокровищъ наблюденіямъ и изысканіямъ изслѣдователя.

Литературный языкъ и языкъ высшихъ классовъ подчинены инымъ законамъ; отсюда происходитъ, что жизненныя силы, которыя дѣйствуютъ въ языкѣ народа, не имѣютъ въ этихъ обработанныхъ формахъ вполнѣ естественнаго и правильнаго развитія. Если можно сравнить языкъ, на которомъ еще пишутъ, но болѣе не го-

ворятъ, съ палеонтологическими остатками органической жизни, то можно сказать, что живой обработанный языкъ (rikssprâket), на которомъ говорятъ или пишутъ, соотвѣтствуетъ произведеніямъ садоводства. Отсюда ясна важность изученія говоровъ для пониманія психическихъ законовъ языка. Я не имѣю, конечно, намѣренія не признавать важности изученія древнихъ періодовъ языка. Отрывокъ исторіи, который развертывается предъ нашими глазами, слишкомъ ограниченъ для того, чтобы, обращая вниманіе исключительно на него, мы могли оцѣнить незначительныя измѣненія, свидѣтелями которыхъ мы ежедневно бываемъ. Для этого необходимо изучить болѣе обширные періоды, знакомство съ которыми доступно намъ при помощи письменнаго преданія. Но для точнаго толкованія этого преданія намъ слѣдуетъ, путемъ микроскопическаго и полнаго изученія настоящаго, добыть необходимыя управляющія нормы, такъ какъ *физическія и психическія условія* языка всегда почти *тѣ же*. Впрочемъ, изученіе нѣсколькихъ современныхъ говоровъ, а также нѣсколькихъ языковъ одного и того же семейства, можетъ служить въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дополненіемъ къ изученію различныхъ періодовъ, такъ какъ мы имѣемъ тамъ предъ глазами однородные организмы, представляющіе намъ различныя степени развитія; такъ что слѣдующее во времени можетъ быть изучено одновременно въ области, относительно, ограниченной и, въ силу того же самаго, для насъ легко доступной. Такимъ образомъ я нахожу, что можно почерпнуть въ скандинавскихъ, напримѣръ, говорахъ весьма полезныя свѣдѣнія объ исторіи образованія двугласныхъ, о процессѣ африкаціи, о поглощеніи носовыхъ, о вліяніи ударенія на окончаніе, о качествѣ гласныхъ и т. д. Словомъ, говоры одного языка показываютъ намъ такое богатое развитіе, доставляютъ намъ такой разнообразный матеріалъ для изученія законовъ и условій языка что мы не нашли бы болѣе во всемъ собраніи древнихъ текстовъ индо-европейской группы.

Поэтому мнѣ кажется, что изученіе нарѣчій, въ томъ или другомъ видѣ, должно играть ту же роль для будущаго лингвиста, какъ занятія въ лабораторіи для зоолога и ботаника. По крайней мѣрѣ, можно быть убѣжденнымъ, что никто не сдѣлается искуснымъ изслѣдователемъ фонетики безъ тщательныхъ наблюденій надъ различными говорами одного и того же языка, или же также надъ нѣсколькими языками, что, впрочемъ, представляетъ болѣе трудностей.

Если мы обратимъ наше вниманіе на *словарь* языка, или лучше, если мы будемъ стремиться изучить жизнь корней и ко-

ренныхъ началъ чрезъ однородные языки, что касается звука и отправленій, то очевидно, что слова говоровъ не могутъ быть оставлены безъ вниманія. Къ словарю языка принадлежитъ не только все написанное на бумагѣ или пергаментѣ, не только то, что было вырѣзано на деревѣ, камнѣ, металлѣ, но вообще всякое произнесенное слово. Если произвольно пренебречь частью словаря, то, конечно, будутъ лишь невѣрные результаты, такъ какъ для точности результатовъ необходимо имѣть *полные матеріалы*.

Равнымъ образомъ, для филолога, занимающагося объясненіемъ древнихъ текстовъ или изслѣдованіемъ прежняго состоянія общества, говоры могутъ дать драгоцѣнныя указанія. Говоры, съ точки зрѣнія фонетики и флексій, развиваются обыкновенно скорѣе, чѣмъ книжный языкъ, въ которомъ измѣненія замедляются консервативнымъ вліяніемъ литературы; но въ словарѣ нарѣчій весьма часто находятся воспоминанія о прежней жизни, о которой иначе мы и не знали бы, и такія воспоминанія могутъ значительно помочь объясненію отдѣльныхъ словъ въ древнихъ памятникахъ языка.

Говоря о цѣли, которую ставитъ себѣ изученіе говоровъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду одну сторону вопроса, ту, которая, по мнѣнію многихъ лицъ, самая важная изъ всѣхъ — практическій вопросъ объ орѳографіи. Лингвистъ, компетентный судья въ этомъ вопросѣ, не долженъ отказываться высказать свое мнѣніе по поводу вопроса о *чистотѣ языка* и особенно объ обмѣнѣ иностранныхъ словъ на слова говора. Изслѣдователю говоровъ не приходится заниматься этимъ, но писатель найдетъ тамъ свѣдѣнія, въ которыхъ онъ можетъ имѣть необходимость. Полагая, что цѣль языка состоитъ въ сообщеніи идей одного человѣка другому, слѣдуетъ выбирать слова, которыя позволяютъ слушателю безъ лишнихъ усилій понимать, сколь возможно ясно, мысль говорящаго. Я убѣжденъ что народъ вообще присвоиваетъ себѣ легче, и по звуку и по значенію, слово, происшедшее отъ туземнаго корня, чѣмъ слово иностраннаго происхожденія. Этотъ *общій* фактъ, однако, вовсе не препятствуетъ тому, чтобы въ частныхъ случаяхъ имѣло мѣсто противоположное, именно, когда иностранное слово уже всѣмъ извѣстно. Все зависитъ отъ того, чтобы выказать при всякомъ случаѣ смѣтливость и вкусъ. А такъ какъ главная цѣль писателя — чтобы его читало и понимало большинство, то дѣло опредѣляется само собою. Можно только требовать, чтобы слова говора при употребленіи въ книжномъ языкѣ принимали тамъ форму, сходную съ законами послѣдняго; а иначе ихъ слѣдуетъ ставить наравнѣ съ иностран-

ными словами, и тогда ихъ туземное происхожденіе не представляетъ никакихъ преимуществъ.

Разсматривая важность занятій діалектами, да будетъ мнѣ позволено указать, сколь было бы желательно, чтобы тѣ, которые считаются или сами себя считаютъ представителями культуры страны, и на которыхъ обыкновенно лежитъ обязанность заботиться объ общественныхъ нуждахъ, чтобы они научились понимать тотъ народъ, который они должны вести къ свободѣ и культурѣ нравственной и интеллектуальной. Пока надменность одной партіи, недовѣрчивость другой, недоразумѣнія и предубѣжденія обѣихъ сторонъ будутъ раздѣлять различные слои общества, полезное соучастіе въ трудѣ будетъ, очевидно, невозможно. Дѣйствительная культура, культура характера, можетъ одинаково находиться у крестьянина и у свѣтскаго человѣка, хотя и подъ различными формами. Пусть потрудятся изучить жизнь народа и его манеру смотрѣть на вещи; пусть примирятъ съ этимъ нѣсколько свои потребности, какъ бы справедливы онѣ ни были сами по себѣ. Научась понимать языкъ народа, его сказки, преданія, поговорки и загадки, его ежедневныя занятія въ часы труда и во время покоя, мы приблизимся къ народу и научимся его любить; человѣкъ встрѣтитъ человѣка.

Показавъ цѣль, предполагаемую изученіемъ говоровъ, слѣдуетъ разсмотрѣть, какимъ образомъ, при настоящемъ положеніи науки, это изученіе можетъ происходить съ возможно большимъ успѣхомъ.

Методъ этихъ занятій опредѣляется тою цѣлію, которую они имѣютъ въ виду: недостаточно дѣлать что-нибудь, весьма существенно также дѣлать это хорошо. Легко замѣтить, что часто трудъ на этой почвѣ, исполняемый иногда съ большимъ прилежаніемъ и тщательностью, а иногда и довольно небрежно и поверхностно, приноситъ очень мало пользы; по большей части причина того лежитъ въ слишкомъ неточныхъ или плохо веденныхъ предварительныхъ наблюденіяхъ. Слово „дилетантъ“ звучитъ не особенно пріятно для уха ученаго или артиста; и не безъ причины, если подъ этимъ словомъ разумѣть человѣка, берущагося за дѣло, которое онъ не умѣетъ доводить до конца. Съ другой стороны, часто полезный трудъ, иногда даже неоцѣнимый, можетъ быть исполненъ людьми, не стоящими на высотѣ науки, или не имѣющими подъ руками всѣхъ ея средствъ. Чего слѣдуетъ всегда требовать, это *крайней точности,* въ особенности тамъ, гдѣ нѣтъ возможности повѣрить всѣ подробности. Небрежность есть интеллектуальный не-

достатокъ, который совершенно основательно вызываетъ недовѣріе, но который можетъ быть, однако, исправленъ иногда воспитаніемъ, при занятіяхъ же, о которыхъ идетъ рѣчь — критикою. Только шарлатанство должно быть казнимо безъ жалости.

Сверхъ того, мнѣ кажется, что можно было бы требовать по справедливости, чтобы выказывающій склонность къ труду пользовался добрыми совѣтами и указаніями тѣхъ, которые въ состояніи дать ихъ ему и которые извлекутъ всю пользу изъ его труда. Изученіе говоровъ требуетъ для собиранія и внесенія въ реестръ матеріаловъ цѣлую армію работниковъ, усидчивыхъ и скромныхъ, но не безъ *дисциплины;* такіе работники могутъ оказать весьма важныя услуги наукѣ. На этомъ именно убѣжденіи основываются *общества* для изученія говоровъ, которыя, какъ мы видѣли, образовались въ Скандинавіи, Англіи, Швейцаріи и другихъ странахъ.

Методъ, котораго слѣдуетъ держаться при изученіи говоровъ, примѣняется къ трудамъ двухъ родовъ: вопервыхъ, дѣло идетъ о способѣ *собирать матеріалы*, вовторыхъ, о способѣ *описывать* ихъ и *примѣнять*. Не слѣдуетъ также пренебрегать вопросомъ объ обозначеніи звуковъ. Вопросъ объ изображеніи того, что̀ можетъ быть названо *устною литературой,* также связанъ вполнѣ съ изученіемъ говоровъ.

Внесеніе говора въ реестръ состоитъ изъ *словаря, текстовъ* и, какъ необходимаго введенія, подробнаго описанія *фонетики*. Изложить при помощи этихъ матеріаловъ, болѣе или менѣе научнымъ образомъ, различныя части грамматики,—представляетъ уже дальнѣйшій, совершенно особый трудъ, дѣйствительно, не важно то, чтобы этотъ трудъ былъ исполненъ тѣмъ же самымъ лицомъ или другимъ. На это различіе надо обратить особенное вниманіе. Съ одной стороны, „научныя“ данныя будутъ весьма плохи, если они доставлены людьми не компетентными, ложно убѣжденными, будто безъ этого собранный ими матеріалъ не имѣлъ бы значенія. Съ другой стороны, можно было бы найти многихъ отличныхъ сотрудниковъ, если бы только можно было убѣдить ихъ, что знанія древнихъ нарѣчій или иностранныхъ языковъ совершенно не нужны для того, чтобы дѣлать отличныя замѣтки; что, сверхъ того, не обладая этими знаніями, они избѣгнутъ опасности запутаться въ незначительныхъ этимологическихъ разсчетахъ и пренебречь, что̀ гораздо важнѣе, добросовѣстнымъ и обширнымъ изученіемъ живого языка. Поверхностныя знанія одного или нѣсколькихъ древнихъ нарѣчій, словарь кельтскій или санскритскій не образуютъ еще этимолога.

Я полагаю, что тѣмъ, которые имѣютъ вѣрное понятіе объ этихъ вещахъ, слѣдовало бы употребить все свое вліяніе, чтобы внушить его лицамъ, выражающимъ желаніе трудиться на пользу изученія говоровъ, не имѣя филологическихъ познаній. Сверхъ того, хорошо бы вручить имъ печатное *руководство,* которое помогло бы имъ избѣжать многихъ промаховъ. Такимъ образомъ собранія матеріаловъ выиграли бы много въ достоинствѣ для научнаго пользованія. Такое руководство должно быть довольно подробно, чтобы оказать существенныя услуги всѣмъ имѣющимъ въ немъ необходимость; хорошо направленное, оно было бы весьма полезно.

Всего лучше, если бы молодые люди, вышедшіе изъ народа, которые говорили на нарѣчіи въ дѣтствѣ и обыкновенно владѣютъ имъ еще довольно долго, могли получить образованіе и необходимыя свѣдѣнія, чтобы быть въ состояніи предпринять потомъ изученіе своего родного провинціальнаго языка. Никто не будетъ въ состояніи вполнѣ и точно вникнуть въ изученіе языка, не умѣя на немъ говорить. Я сомнѣваюсь, чтобы можно было иначе точно передать звуки, особенно гласные. Затѣмъ, самое полезное, когда образованные молодые люди, заинтересованные такого рода занятіями и владѣя говоромъ, предоставляютъ себя въ распоряженіе изслѣдователя, который обладаетъ истиннымъ научнымъ методомъ. Въ этомъ заключается основная мысль *обществъ, учрежденныхъ среди студентовъ* шведскихъ университетовъ, для изученія говоровъ. Конечно, не всѣмъ обществамъ предоставлена возможность обращаться къ руководителямъ, достаточно образованнымъ для этой задачи, и не всѣ ихъ члены обстоятельно знаютъ свои діалекты; въ послѣднемъ случаѣ многое должно зависѣть отъ мнѣнія руководителя. Въ этомъ-то и лежатъ неизбѣжные недостатки, нераздѣльные съ самою системой. Вообще, слѣдуетъ съ большою недовѣрчивостью разсматривать наблюденія, сдѣланныя случайно людьми незнакомыми съ говоромъ.

Наконецъ, весьма часто смѣтливые и толковые *люди изъ среды народа* могутъ, слѣдя долгое время за роднымъ говоромъ, производить весьма полезныя работы, особенно, если они могутъ пользоваться время отъ времени добрыми совѣтами относительно способа, по которому они должны дѣйствовать, и тѣхъ средствъ, къ которымъ могутъ прибѣгать. Въ Швеціи, напримѣръ, есть два фермера и одинъ кузнецъ, которые оказали весьма большія услуги занимающему насъ изученію. Можно подумать, на первый взглядъ, что *учителя* начальныхъ школъ должны быть весьма способны къ такого

рода труду, по крайней мѣрѣ, если по окончаніи занятій, получили назначеніе на родинѣ. Дѣйствительно, у насъ въ Швеціи два наставника дѣлали, относительно, весьма хорошія замѣтки. Однако я сомнѣваюсь, чтобы вообще степень образованія, которой достигаютъ эти наставники, достаточно подготовляла ихъ къ вѣрной оцѣнкѣ нарѣчій. Весьма часто они имѣютъ о говорахъ то же представленіе, что̀ и большая часть мнимо образованныхъ людей; они думаютъ, что нарѣчія не что иное какъ простыя измѣненія обработаннаго языка и что, слѣдовательно, будучи не болѣе, какъ испорченный книжный языкъ, нарѣчія эти должны быть истреблены сколь возможно скорѣе и всѣми способами. Правда, что, не смотря на все, просвѣщенные умы всегда найдутъ вѣрный путь. Въ такомъ же благопріятномъ положеніи, какъ то, въ которомъ находятся наставники, положеніи, позволяющемъ имъ изучать формы цивилизаціи народа, живя съ нимъ въ безпрестанномъ соприкосновеніи, находятся также *приходскіе священники;* но послѣдніе потому болѣе способны къ этому, что болѣе обширныя ихъ занятія должны имъ давать болѣе широкіе взгляды. Въ Скандинавіи Rietz, издавшій нашъ большой словарь шведскихъ говоровъ [1]), Afzelius и Landstad, которые собрали и издали наши народныя пѣсни [2]), принадлежали къ духовенству. Конечно, это не были простые священники.

Часто, даже въ большинствѣ случаевъ, лицамъ, незнакомымъ съ нарѣчіями, и случается ихъ изучать. Нельзя ознакомиться съ нарѣчіемъ даже проживъ извѣстное время въ странѣ, но не выучась говорить на ея языкѣ. Ни у кого нѣтъ времени посвящать цѣлые годы тому, чтобы *выучиться говорить* на нарѣчіи. Обыкновенно надо исполнить большую часть работы въ нѣсколько мѣсяцевъ. При такихъ условіяхъ собранія матеріаловъ должны необходимо оставаться болѣе или менѣе неполными. Многое зависитъ отъ способностей, прилагаемыхъ собирателемъ къ исполненію своей задачи, отъ его общаго лингвистическаго образованія, отъ чувствительности его уха, отъ его навыка къ изученію говоровъ или, по крайней мѣрѣ, отъ навыка дѣлать личныя и непосредственныя наблюденія, отъ знакомства, которое онъ уже имѣетъ съ другими говорами, особенно, если они сродны съ тѣмъ говоромъ, къ изуче-

---

[1]) Ordbok öfver svenska allmogespråket. Lund, 1862—67, 859 стр. in 4°.

[2]) E. G. Geyer и A. A. Afzelius. Svenska folkvisor, т. 1—3, Stockh. 1814—16—вторично издали R. Bergström и L. Höijer. Stockh. 1880. M. B. Landstad, Norske folkeviser, Krist. 1853.

нію котораго онъ приступаетъ, наконецъ, отъ хорошо намѣченнаго и добросовѣстно исполненнаго метода. Если нѣтъ прежнихъ глоссаріевъ разбираемаго говора, а если и существуютъ, то чтобы дополнить ихъ, можно употреблять словари сосѣднихъ говоровъ и литературнаго языка, имѣющаго само собою большое число словъ, общихъ съ говоромъ. Если хотятъ добыть только обозрѣніе общихъ условій говора, что касается фонетики и флексій, то должно имѣть программу, начертанную спеціально для такого рода изслѣдованій, такъ, чтобы можно было, просматривая ее, достаточно точно и скоро узнать самые отличительные фонетическіе законы и правильныя флексіи. Такія программы, составленныя съ необходимымъ стараніемъ, могутъ быть примѣнимы къ цѣлой группѣ однородныхъ нарѣчій.

Если хотятъ обратиться съ *вопросами* къ простолюдинамъ, то слѣдуетъ съ большимъ стараніемъ выбирать лицъ, которыхъ будутъ разспрашивать. Прежде всего надо убѣдиться въ томъ, что они родились и выросли, а не просто переселились, въ той области, гдѣ будутъ производиться изслѣдованія. Затѣмъ, недостаточно, чтобы они знали свое нарѣчіе: надо также стараться найти людей толковыхъ, которые понимали бы васъ безъ большихъ затрудненій и смѣло, безъ принужденія отвѣчали на вопросы, съ которыми вы къ нимъ обратитесь. Во всякомъ случаѣ, разспросъ самъ по себѣ требуетъ много терпѣнія и гибкости ума. Крестьяне склонны подозрѣвать, что подъ вашимъ любопытствомъ кроются тайныя намѣренія, что вы просто надъ ними шутите и т. д., такъ что они всячески скрываютъ, пока только возможно, свои истинныя чувства. Вамъ надо излагать свои вопросы съ большою ловкостью, и даже, не смотря на это, часто отвѣты объяснятъ вамъ всё, исключая именно того, что̀ вы хотите узнать. Если неудачно выбрали лицо и если плохо дѣлаютъ вопросы, то можно получать утвердительные отвѣты на все, о чемъ бы ни спрашивали. Конечно, не надо задавать вопросовъ, на которые можно отвѣчать „да“ или „нѣтъ“. Мы не совѣтовали бы спрашивать объ отдѣльныхъ словахъ. Легко спутать такими отвлеченностями того, все лингвистическое образованіе котораго состоитъ въ умѣніи читать и съ грѣхомъ пополамъ подписать свое имя, и онъ станетъ тогда давать ошибочные отвѣты. Слово, взятое отдѣльно, не существуетъ въ языкѣ независимо; будучи оторвано отъ своей природной оправы въ предложеніи, оно будетъ имѣть нѣчто странное. Слѣдовательно, надо придерживаться *цѣлыхъ фразъ*, выбирая ихъ такимъ образомъ, чтобы можно было добиться того, что̀ желаютъ узнать. Конечно, еще опаснѣе спрашивать

о звукахъ. Можно просмотрѣть и заставить пересказать разрядъ словъ съ однимъ и тѣмъ же звукомъ въ разныхъ комбинаціяхъ, но надо еще разными способами провѣрить свои наблюденія. Чѣмъ болѣе разспрашиваемый индивидуумъ учился и чѣмъ болѣе онъ надѣленъ способностію къ отвлеченности, тѣмъ менѣе необходимы всѣ указанныя предосторожности, хотя при этомъ точность результатовъ не увеличивается въ той же пропорціи.

Если время и случай позволяютъ дѣлать на досугѣ замѣтки о нарѣчіи, то слѣдуетъ рекомендовать *монографическій методъ*, съ пользою употребляемый въ шведскихъ обществахъ. Предполагаютъ, напримѣръ, дѣлать замѣчанія о мѣстоименіяхъ или сильныхъ глаголахъ, о названіяхъ птицъ или растеній, о земледѣльческихъ орудіяхъ, о внутренности дома, о различныхъ занятіяхъ, какъ-то: пивовареніи, печеніи хлѣба, убоѣ скота, землепашествѣ, жатвѣ и т. д., приводя въ ихъ естественномъ порядкѣ техническіе термины и относящіяся сюда фразы. Въ этомъ состоитъ прекрасный евристическій методъ, потому что такимъ образомъ часто можно уловить слова, которыя иначе остались бы безъ вниманія. Впрочемъ, роль словарей, къ которымъ прибѣгаютъ при составленіи такого рода сборниковъ, не ограничивается констатированіемъ существованія въ говорѣ отмѣченныхъ въ нихъ словъ; но эти слова вызываютъ весьма часто въ умѣ воспоминаніе о другихъ словахъ, съ которыми они связаны различными ассоціаціями представленій.

Синтаксисъ говоровъ еще очень мало изслѣдованъ. Aasen въ своей норвежской грамматикѣ [1]) и Albrecht въ своемъ сочиненіи о лейпцигскомъ діалектѣ [2]) трактуютъ также о синтаксисѣ. Такое общее небрежное отношеніе къ этой части грамматики можетъ быть приписано двумъ причинамъ. Съ одной стороны, интересъ къ синтаксису появился въ наукѣ, сравнительно, недавно и изслѣдованія по этому предмету пока еще немногочисленны и касаются только частныхъ вопросовъ. Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что синтаксисъ самая трудная часть какъ для изученія, такъ и для изложенія. Здѣсь уже нельзя прибѣгать къ помощи вопросовъ. Нѣтъ, какъ мнѣ кажется, другого средства, какъ дѣлать замѣтки во время продолжительнаго пребыванія въ средѣ народа, на что рѣдко найдется время. Если бы стенографія была болѣе извѣстна и въ большемъ употребленіи — что было бы

---

[1]) Norsk grammatik. Christ. 1864.

[2]) Die leipziger Mundart. Leipzig, 1881.

желательно и въ другихъ отношеніяхъ, — то въ ней заключалось бы превосходное средство для добыванія вѣрныхъ матеріаловъ по синтаксису. Если хотятъ воспользоваться этимъ средствомъ и для другихъ цѣлей, то будетъ достаточно представить въ точномъ видѣ фразы, чтобы достигнуть исправной письменной передачи звуковъ. Я же надѣюсь, что стенографія окажетъ большія услуги изученію говоровъ. То же будетъ, можетъ быть, и съ фонографомъ, когда онъ будетъ болѣе усовершенствованъ, чѣмъ теперь [1]).

Переходимъ къ вопросу *о точномъ опредѣленіи пространства, занимаемаго говоромъ*. Чтобы изобразить свойства нарѣчія цѣлой области, недостаточно представить наблюденія, сдѣланныя въ одной или нѣсколькихъ, наудачу выбранныхъ, мѣстностяхъ. Дѣйствительно, только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ границы нарѣчія совпадаютъ съ границами уѣзда или прихода. Однородные говоры, *вполнѣ* похожіе другъ на друга во всѣхъ общихъ чертахъ, обыкновенно простираются только на нѣсколько приходовъ или же даже на части приходовъ, рѣже лишь на одну или двѣ деревни, столь же рѣдко на цѣлые уѣзды или области, подобныя имъ. Употребляя слово „вполнѣ“, я желаю сказать: насколько говоры различныхъ лицъ могутъ сходиться. Было бы желательно, чтобы изслѣдователи выбирали себѣ поле для наблюденія такимъ образомъ, чтобы границы его совпадали съ границами говора; было бы также весьма полезно имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія объ общихъ свойствахъ говоровъ окрестныхъ и о характерѣ переходовъ въ другія нарѣчія на границахъ. Надо представить отличительный характеръ изученнаго говора отдѣльно, какъ образующій самъ по себѣ систему. Это мнѣ кажется весьма важнымъ какъ для знакомства съ составомъ и природою нарѣчій съ этнологической точки зрѣнія, такъ и для установленія порядка въ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ надъ большимъ числомъ говоровъ. Состояніе словъ измѣняется въ незначительныхъ областяхъ не болѣе, чѣмъ у различныхъ индивидуумовъ, и словарь можетъ и долженъ даже заключать въ себѣ группу говоровъ, стоящихъ во взаимной связи. Но и въ этомъ случаѣ надо стараться установить естественныя границы и не придерживаться административныхъ дѣленій. Очевидно, что подобныя довольно обширныя области отлично поддаются также грамматическимъ изслѣдованіямъ, полагая всегда, что для того существуетъ достаточно матеріаловъ, или что есть случай добыть ихъ со всѣхъ частей

[1]) Улучшеніе предложено Техмеромъ, Phonetik, I, 62.

области. Сочиненіе Ascoli о ладинскихъ говорахъ [1]) и Murray о говорахъ южныхъ графствъ Шотландіи [2]) въ этомъ отношеніи образцовыя сочиненія.

Научная разработка говоровъ на основаніи собранныхъ матеріаловъ можетъ производиться или собирателемъ, или другими лицами, и притомъ различными способами. Я не имѣю здѣсь въ виду сочиненій, посвященныхъ сравнительному изученію спеціальнаго класса явленій путемъ изслѣдованія ихъ, съ тою или другою цѣлію, чрезъ извѣстное число говоровъ. Объ этихъ обозрѣніяхъ можно сказать только, что они должны быть исполнены старательно и по вполнѣ точно опредѣленному плану. Что касается словарей и грамматическихъ сочиненій по одному и тому же говору, то можно сдѣлать нѣкоторыя предложенія относительно плана этого рода трудовъ, въ томъ видѣ, какъ онъ бываетъ начертанъ еще довольно часто у насъ и заграницей. Между сочиненіями, написанными по прежнему способу, и тѣми изъ нихъ, въ которыхъ примѣненъ новый методъ, различіе весьма замѣтно. Въ Швеціи новый путь указанъ сочиненіемъ Noreen'a о фонетикѣ фриксдальскаго говора [3]); изученіе говоровъ составляетъ часть лингвистики и прилагаетъ въ своихъ трудахъ всѣ ея средства, столь же методическія, сколь дѣйствительныя. Въ другихъ странахъ труды Lyngby, Ascoli, Murray и Winteler'a начинаютъ новую эру [4]). Здѣсь я разсмотрю только состояніе изслѣдованій говоровъ въ продолженіе послѣднихъ десятковъ лѣтъ.

Что касается *словаря,* то можно требовать, чтобы въ немъ было сколь возможно полное собраніе словъ, ясная передача произношенія каждаго слова, точныя свѣдѣнія о флексіяхъ, родѣ и конструкціи словъ, ясное и полное опредѣленіе выраженій, достаточное количество фразъ, почерпнутыхъ изъ самой народной рѣчи, безъ чего нельзя будетъ вполнѣ понять употребленіе и значеніе словъ. Къ несчастію, эти требованія довольно велики, такъ что могутъ быть удовлетворены только въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Словарь областныхъ говоровъ требуетъ цѣлой жизни, посвященной по крайней мѣрѣ большею частью этому труду, и весьма

---

[1]) Archivio glottologico italiano. T. I.

[2]) Transactions of the philological society 1870—72.

[3]) Fryksdalsmålets ljuddlära въ Upsala universitets årsskrift. 1877.

[4]) Во Франціи труды Joret'a отличаются точностью наблюденій и строгою методичностью (Patois de Bessin 1881, Patois normand 1883).

рѣдко бываетъ, чтобы одно лицо могло столько посвятить подобной задачѣ.

Когда хотятъ составить сколь возможно полное собраніе словъ говора, то, конечно, недостаточно отмѣтить тѣ слова, которыя, принадлежа ему, рѣшительно нигдѣ болѣе не встрѣчаются, такъ какъ рѣдкость не составляетъ существенной стороны дѣла. Если бы всѣ оставляли безъ вниманія то, что̀ обще нѣсколькимъ нарѣчіямъ, гдѣ находились бы наши свѣдѣнія о нихъ? Если слово встрѣчается также въ книжномъ языкѣ, то это еще не причина, чтобы не отмѣтить его существованіе въ говорѣ. Говоръ имѣетъ съ языкомъ единство и долженъ быть разсматриваемъ и толкуемъ не упуская изъ виду это послѣднее. Цѣль словаря гораздо шире, чѣмъ удовлетвореніе любопытству или даже быть полезнымъ *лингвистикѣ*. Словарь изображаетъ цѣлый народъ, всю его жизнь въ извѣстную эпоху, съ его воспоминаніями и намѣреніями. Цѣль же его вообще служить исторіи *цивилизаціи*. Чтобы дать полную и вѣрную картину, надо затронуть все. Было бы желательно, чтобы собирали также *собственныя имена*, какъ-то: названія лицъ, домашнихъ животныхъ и мѣстностей. Въ такого рода словарѣ значеніе слова не играетъ никакой роли, когда дѣло идетъ о томъ, допустить ли его, или оставить безъ вниманія. Надо особенно обращать вниманіе на техническія выраженія. Грубыя слова должны быть допущены наравнѣ со всѣми прочими, словарь не будетъ служить книгою для семейнаго чтенія. *Произношеніе* должно быть передано сколь возможно точно. Обыкновенно слишкомъ мало обращаютъ вниманія на *значеніе* словъ. И это значеніе, и употребленіе словъ въ предложеніи не могутъ быть поняты вполнѣ ясно, если не дано многочисленныхъ примѣровъ. Но примѣры, *сочиненные* собирателемъ, не имѣютъ ровно никакой цѣнности. Давать ихъ значитъ поступать предательски. Такъ какъ удовлетвореніе всѣхъ этихъ требованій требуетъ много старанія и времени, то указанные недостатки проистекаютъ обыкновенно отъ отсутствія у всѣхъ свободнаго времени.

„Научная“ обстановка, вносимая въ словари говоровъ, состояла до нашего времени въ *сравненіяхъ* съ возможно большимъ числомъ другихъ говоровъ и языковъ. Чаще всего это дѣлается слѣдующимъ образомъ: доставъ возможно большее число словарей, ихъ тщательно перелистываютъ, отмѣчая все, что̀ можетъ имѣть нѣкоторое подобіе того слова, которымъ заняты въ данную минуту. Дѣло не идетъ вовсе о дѣйствительномъ тожествѣ словъ: было бы

слишкомъ трудно доказать дѣйствительное тожество, не говоря уже о томъ, что тогда пришлось бы упустить изъ виду многія другія стороны дѣла. Будетъ нѣкоторое сходство въ корняхъ — если не сдѣлано ошибки — вотъ что̀ прежде всего слѣдуетъ отмѣтить! Я, конечно, не намѣренъ отрицать, что сравненіе словарей различныхъ нарѣчій имѣетъ большую важность. Но такія сравненія не принадлежатъ къ трудамъ, посвященнымъ отдѣльнымъ нарѣчіямъ. Если бы всѣ монографіи толковали только о словахъ, родственныхъ всѣмъ нарѣчіямъ, сколько было бы потрачено чернилъ и перьевъ! Надо похвалить собирателей недавно вышедшихъ у насъ словарей говоровъ, что они не слишкомъ расбрасывались на сравненія; но тамъ, гдѣ есть сравненія, они сдѣланы, кажется, безъ опредѣленнаго плана. Вообще можно сказать, что, не будучи даже отмѣчены, они легко доступны для всѣхъ интересующихся этимъ предметомъ; для другихъ они лишены всякой важности — на сколько они не возвышаютъ стоимости книгъ; въ обоихъ случаяхъ, они очевидно, излишни. Ссылки на другіе говоры и языки полезны лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда не представляются сами каждому свѣдущему человѣку, и въ этихъ случаяхъ желательны также нѣкоторыя указанія на законы, дѣйствовавшіе на *образованіе словъ:* надо указать *общую коренную форму* или же отношеніе коренныхъ формъ между собою.

Внѣшнее расположеніе словаря не маловажная вещь, потому что отъ него существенно зависитъ практическая польза. Естественный порядокъ словъ — *алфавитный*, и кажется весьма естественнымъ, чтобы форма словъ въ говорѣ опредѣляла ихъ мѣсто въ словарѣ. Но тогда, если хотятъ найти слово, съ цѣлью узнать, напримѣръ, находится ли оно въ разбираемомъ говорѣ, надо знать сперва форму этого слова въ данномъ говорѣ. Если, съ другой стороны, уже знаютъ говоръ, то нѣтъ большой необходимости въ словарѣ. Только-что нами указанное неудобство можетъ быть устранено двумя способами: или надо расположить слова по другому принципу, или же надо прибавить къ словарю оглавленіе. Въ глоссаріи одного нордландскаго говора, составленномъ подъ редакціею Blomberg'a, и который появится въ скоромъ времени въ журналѣ шведскихъ нарѣчій, заглавіемъ (*uppslagsord*) ставится *слово книжнаго языка, соотвѣтствующее этимологически слову говора,* при чемъ, если оно не существуетъ, то составляется по законамъ фонетики. Такимъ же способомъ устроенъ и списокъ словъ далекарлійскаго говора Noreen'a, находящійся въ настоящее время

въ печати [1]). Это построеніе можетъ иногда представлять затрудненіе, но въ принципѣ методъ хорошъ. Если найдутъ выгоднымъ, чтобы слова были расположены по той формѣ, какую они имѣютъ въ говорѣ, въ виду облегченія для мѣстныхъ жителей замѣчать и исправлять могущія вкрасться ошибки, можно присоединить къ глоссарію указатель, расположенный по выше изложеннымъ правиламъ. Другіе писатели избрали *заглавіемъ самую древнюю извѣстную форму слова;* это совершенно неумѣстно, потому что вполнѣ зависитъ отъ случая, что то или другое слово встрѣчается написаннымъ въ первый разъ въ одну эпоху, а не въ другую. Можно также пользоваться *оглавленіемъ*, устроеннымъ тѣмъ или другимъ способомъ. Schmeller обѣщалъ дать его, какъ дополненіе къ своему баварскому словарю, но оно никогда не было выполнено, и дѣло осталось не испробованнымъ. Если словарь обнимаетъ собою группу говоровъ, что я нахожу весьма пригоднымъ, то являются новыя стеченія разнородныхъ вещей. Тогда всякое слово имѣетъ нѣсколько формъ, принадлежащихъ различнымъ говорамъ, и если не хотятъ поставить во главѣ слова постороннія говорамъ, то надо или взять одинъ изъ говоровъ исходною точкою, или же *построить родъ нормальнаго говора,* который служилъ бы этимологическою точкою исхода для всѣхъ говоровъ этой группы. Такой способъ дѣйствія имѣетъ много общаго съ исторической орѳографіею, до сихъ поръ обычною въ большей части словарей говоровъ, довольно близко граничащею съ орѳографіею литературнаго языка. Къ несчастію, здѣсь обыкновенно упускали изъ виду дѣйствительно разговорныя формы, такъ что невозможно ихъ угадать при помощи „правилъ о произношеніи“, находящихся въ началѣ книги [2]).

Обыкновенно изучаемыя части *грамматики* говоровъ — фонетика и морфологія. Я тѣмъ болѣе могу не заниматься здѣсь синтаксисомъ, что по этому предмету у насъ нѣтъ ни образцовъ, которые можно было бы рекомендовать, ни промаховъ, чтобы критиковать. То же самое и съ нѣкоторыми другими частями грамматики. За то я считаю умѣстнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній, съ одной стороны, объ этимологической части фонетики, съ другой — объ относящейся сюда части морфологіи; я разумѣю срав-

[1]) Вышло въ свѣтъ въ 1883 г. (Svenska landsmålen, IV, 2).

[2]) Не избѣжали ли бы всѣхъ трудностей при помощи *природнаго порядка по корнямъ*, сперва туземнымъ, затѣмъ постороннимъ, *съ* алфавитнымъ *указателемъ* свойственныхъ говору формъ, или нѣсколькими указателями, если группа говоровъ?

ненія съ соотвѣтственными формами звуковъ и флексій другого говора. Прежде всего, какъ мы уже указали, слѣдовало бы вселить въ людяхъ убѣжденіе, что надо избѣгать представлять публикѣ этимологическіе опыты; всякій воленъ заниматься ими для своего личнаго удовольствія. Лингвисты всѣхъ странъ вообще жалуются на то, что этимологическія части словарей говоровъ въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ никакой цѣнности, будучи столь же неточны, какъ и безполезны [1]). Что касается флексій, то простое изложеніе безо всякихъ стремленій объяснить происхожденіе формъ и проникнуть во внутреннюю жизнь говора, можетъ быть весьма полезнымъ, по скольку оно полно и точно, по установленной программѣ, даетъ отчетъ о дѣйствительномъ положеніи вещей. Этимологическая фонологія есть полное и основательное объясненіе всего словаря языка; она предполагаетъ, вопервыхъ, существованіе полнаго словаря и, вовторыхъ, серьезное научное образованіе у того, кто желаетъ ею заняться: то-есть знаніе фонетики, обширныя свѣдѣнія въ исторической грамматикѣ, привычку употреблять методическія научныя средства и въ особенности высшее развитіе ума, чтобы не сказать генія. Слѣдовательно, надо всегда повторять: procul hinc, procul este profani!

Для расположенія *фонетики* можно представить два метода. Можно, исходя изъ болѣе древняго періода, брать всякій звукъ *древняго языка* и прослѣдить его судьбу при различныхъ обстоятельствахъ; или же можно, взявъ *звуки говора*, дать отчетъ о ихъ историческомъ происхожденіи. Послѣдній методъ самый употребительный у насъ; первый былъ бы интереснѣе, такъ какъ очень рѣдко изучаютъ говоръ самъ по себѣ, но чаще какъ составную часть языка. Наше неполное знакомство съ древнимъ состояніемъ языка причиняло бы иногда затрудненія, такъ какъ приходилось бы восполнять пробѣлы построеніемъ прежнихъ формъ. Тогда стало бы также необходимо ясно отличать *собственныя слова говора* отъ словъ туземнаго или иностраннаго происхожденія, *заимствованныхъ* говоромъ и которыя не слѣдуютъ его общимъ законамъ Это само по себѣ было бы желательно; можно имѣть такимъ образомъ оцѣнку говора, взятаго въ его совокупности. Въ наше время все распредѣляется лишь по внѣшней нормѣ, одно слово имѣетъ свой

---

[1]) Этого нельзя утверждать, напримѣръ, о «Versuch eines bremsich-niedersächsischen Wörterbuchs» 1767—71, 5 томовъ. По своему времени сравненія его были замѣчательны и всегда полезны.

параграфъ наравнѣ съ группою въ нѣсколько сотенъ словъ. Очевидно, внутри самаго говора дѣйствуютъ законы отличные отъ тѣхъ, которые должны болѣе или менѣе счастливымъ образомъ уподобить иностранные элементы, въ него проникнувшіе. Въ сочиненіи значительный недостатокъ, когда все перемѣшано безъ внѣшняго раздѣленія. Тогда это скорѣе подробный указатель, чѣмъ сочиненіе.

Мои замѣчанія коснутся далѣе *статистики превращеній звуковъ* — выраженіе, взятое въ общеупотребительномъ значеніи — въ самомъ языкѣ. Я нахожу въ сочиненіяхъ, что одинъ звукъ говора соотвѣтствуетъ одному или нѣсколькимъ звукамъ литературнаго языка, и затѣмъ я встрѣчаю болѣе или менѣе значительное число примѣровъ, не превышающихъ однако двадцати. Обыкновенно дается только два или три примѣра. На что это? На то, что, если-бы, читатель, я хотѣлъ составить настоящую фонологію говора, то я зналъ бы приблизительно число оглавленій, которыя слѣдовало бы помѣстить подъ этимъ звукомъ. Ссылки на древній языкъ служатъ здѣсь только въ видѣ исключенія. Мнѣ надо знать, *въ скольких случаяхъ и въ какихъ именно случаяхъ звуки говора соотвѣтствуютъ тому или другому звуку языка литературнаго или языка древняго,* такъ какъ лишь при этомъ условіи возможно изслѣдовать, какова природа этихъ соотвѣтствій, какими законами они управляются, какъ надо ихъ объяснять. Сравненія, сдѣланныя только-что описаннымъ нами способомъ, необходимо становятся, однако, весьма поверхностными, то-есть все зависитъ отъ простой случайности, если факты, помѣщенные подъ однимъ и тѣмъ же оглавленіемъ, имѣютъ также нѣкоторое внутреннее сходство, и если вовсе не извѣстно за достовѣрное, что слова, которыя по корню и значенію, повидимому, связаны между собою, тожественны, то-есть произошли изъ одной общей первичной формы: они могли быть образованы при помощи различныхъ суффиксовъ, произойти различными способами, могли быть занесены въ говоръ съ разныхъ сторонъ. И не смотря на все это, ихъ помѣщаютъ всѣ вмѣстѣ; такъ того желаютъ и это весьма удобно. Если не хотятъ или не могутъ написать научную фонологію, то мнѣ кажется, не слѣдовало бы желать ничего другого, кромѣ самыхъ употребительныхъ соотвѣтствій, придающихъ говору его общій характеръ.

Это противоположно тому, что относится къ топографіи *звуковъ* или ихъ превращеній: тамъ давали намъ слишкомъ мало, здѣсь даютъ слишкомъ много. Намъ говорятъ, что звукъ литературнаго

языка соотвѣтствуетъ такому-то другому звуку въ цѣлыхъ двадцати говорахъ, разсѣянныхъ по всей странѣ, по крайней мѣрѣ въ одномъ или двухъ отдѣльныхъ словахъ, принадлежащихъ говорамъ, которые совершенно нельзя сравнивать между собою, полагая впрочемъ, что данные примѣры вѣрны. Сверхъ того, ссылаются на нѣсколько сочиненій, трактующихъ о томъ или другомъ однородномъ языкѣ. Если бы только это было дѣйствительно одно и то же соотвѣтствіе во всѣхъ указанныхъ случаяхъ! Но ничто не обезпечиваетъ намъ такого соотвѣтствія, такъ какъ все списано безо всякой критики съ указываемыхъ авторовъ, у которыхъ соотвѣтствіе внесено въ роспись очень часто по тѣмъ ложнымъ правиламъ, о которыхъ я только-что сказалъ. Если подобная статистика будетъ ведена во всѣхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ отдѣльнымъ говорамъ, съ прибавленіемъ всякій разъ новаго говора, то отсюда послѣдуетъ, что, по мѣрѣ того какъ число сочиненій будетъ больше, изложеніе говора, которому слѣдовало бы быть существенною частью, станетъ лишь побочною принадлежностью, будучи совершенно заслонено статистикою, не имѣющею къ нему никакого отношенія. Перечни явленій однородныхъ говоровъ имѣютъ, конечно, большую важность, достаточную для того, чтобы ихъ дѣлать *нарочно* и тогда сколь возможно добросовѣстно.

То же возраженіе надо сдѣлать по отношенію къ *аналогичнымъ сравненіямъ въ области морфологіи*. Разница только въ томъ, что такъ какъ факты ея чаще имѣютъ истинное внутреннее сходство, то сравненіе въ ней въ большинствѣ случаевъ вѣрно. Однако, если станутъ упорно слѣдить за фактомъ флексіи во всѣхъ доступныхъ говорахъ языка, всякій разъ, какъ онъ представляется, можно будетъ, конечно, писать многотомныя сочиненія; но это болѣе вредно, чѣмъ полезно для изученія говоровъ, потому что вниманіе отвлекается отъ главнаго предмета. Къ счастію, можно надѣяться, что, чѣмъ многочисленнѣе станутъ монографіи по отдѣльнымъ говорамъ, тѣмъ легче указанные недостатки исчезнутъ сами собою.

Впрочемъ, весьма малая доля этихъ замѣчаній примѣнима къ лучшимъ изъ имѣющихся уже сочиненій. Здѣсь, вопервыхъ, какъ вы видите, дѣло идетъ не о томъ, чтобы представить критику уже сдѣланнаго, но скорѣе указать лучшій методъ, котораго надо держаться при занимающемъ насъ изученіи.

Перехожу къ другой части вопроса.

Письменная передача устной народной словесности требуетъ, какъ я уже сказалъ, особеннаго вниманія съ разныхъ точекъ зрѣ-

нія. Даже въ случаѣ, если бы эта передача дѣлалась преимущественно въ легендарномъ, миѳологическомъ и этнологическомъ отношеніи, она находится всетаки въ тѣсной связи съ изученіемъ говоровъ, потому что нѣкоторые виды этой словесности должны быть отмѣчаемы исключительно лишь на языкѣ говора. Къ этой литературѣ, взятой въ болѣе обширномъ смыслѣ, я отношу:

1) Народныя пѣсни миѳическія, историческія, романтическія (съ мелодіями ихъ);

2) Народныя сказки, въ обыкновенномъ смыслѣ слова, приключенія и легенды;

3) Преданія мѣстныя, миѳическія и историческія, въ повѣствовательной формѣ;

4) Народныя вѣрованія, различнаго рода религіозныя представленія, суевѣрія (въ томъ числѣ и народная медицина);

5) Различныя загадки;

6) Пословицы и нравоученія, поговорки и вполнѣ сложившіяся оригинальныя изреченія;

7) Игры, пляски и сопровождающія ихъ пѣсни;

8) Свычаи и обычаи въ замѣчательныя эпохи года или жизни, а также при обыкновенномъ ея теченіи, изложенія народныхъ нравовъ.

Моя классификація, быть можетъ, не безукоризненна, но не въ томъ дѣло. Пѣсни, загадки и пословицы имѣютъ вполнѣ опредѣленную редакцію: ихъ надо только записать *безо всякихъ измѣненій*. Что касается музыки, то, не будучи знатокомъ въ этомъ предметѣ, я замѣчу только, что для того, чтобы сдѣлать мелодіи годными къ научному употребленію, надо передавать ихъ сколь возможно вѣрно, въ томъ видѣ, какъ онѣ находятся у народа, не исправляя ихъ и не придѣлывая къ нимъ гармоническихъ украшеній. Описываютъ затѣмъ игры и пляски; записываютъ пѣсни и мелодіи, по которымъ ихъ поютъ. Я опасаюсь, что въ хореографіи нѣтъ опредѣленной терминологіи, а это представляетъ большое затрудненіе. Впрочемъ, я не имѣлъ случая познакомиться съ иностранными сочиненіями по этому предмету. Разумѣется, описанія должны быть на обыкновенномъ языкѣ. То же самое надо сказать обо всемъ томъ, что относится къ нравамъ и обычаямъ, простой жизни народа въ ея различные періоды, а также народнымъ вѣрованіямъ и суевѣріямъ. Впрочемъ, вполнѣ готовыя фразы, поговорки и формулы говора надо всегда передавать въ ихъ подлинномъ видѣ. Подробныя описанія на языкѣ говора, дѣлаемыя съ народной точки зрѣнія, превосходны, какъ

образчики языка, и способствуютъ болѣе ясному пониманію трактуемаго ими предмета. Но очень трудно дѣлать ихъ съ необходимою точностью; послѣдней возможно достигнуть лишь при помощи стенографіи. Иначе собственныя разсужденія займутъ, по обыкновенію, слишкомъ много мѣста, не говоря уже о трудностяхъ языка.

Сказки и легенды не имѣютъ вполнѣ опредѣленной редакціи. Два разныхъ лица никогда не разсказываютъ сказку совершенно одинаково, и одно и то же лицо не разсказываетъ ее дважды въ вполнѣ одинаковыхъ выраженіяхъ. Пѣсня можетъ имѣть въ различныхъ мѣстностяхъ свои варіанты, это вовсе не относится къ записыванію: ее можно постоянно отмѣчать слово въ слово, во время того какъ ее поютъ. Иначе обстоитъ дѣло со сказками. Записывать такъ скоро, какъ говоритъ разсказчикъ, не успѣваютъ; если его прервутъ, общее впечатлѣніе отчасти испорчено, онъ болѣе не будетъ разсказывать съ прежнею простотою. Воспроизводить послѣ наизусть всякую подробность, всякое словечко не по силамъ каждому. Итакъ, только при помощи *стенографіи* можно будетъ достичь удовлетворительнаго во всѣхъ отношеніяхъ записыванія. Между тѣмъ я знаю, что только италіянецъ Vittorio Imbriani [1]) обращался къ этому средству. Затѣмъ надо все переработать по отношенію къ фонетикѣ съ желаемою степенью фонетической точности; за то конструкція и слова даны. Однако стенографія слишкомъ мало еще употребительна для того, чтобы можно было надѣяться на столь обширную услугу, которую мы только что указали. Надо удовольствоваться тѣмъ, чтобы прослушать сказку нѣсколько разъ, а затѣмъ отмѣчать и исправлять по мѣрѣ возможности. При нѣкоторомъ навыкѣ и способности къ пониманію этого рода словесности, достигнутъ наконецъ довольно точныхъ воспроизведеній, по крайней мѣрѣ въ существенныхъ частяхъ. Въ этомъ заключается методъ, который, какъ мы видимъ, мы принуждены предпочесть. Однако, только-что сказанное нами предполагаетъ всегда, что имѣютъ дѣло съ разсказчикомъ, привыкшимъ открывать сокровища своей памяти связно и естественно. Случается вѣдь часто, что когда желаютъ имѣть свѣдѣнія о легендѣ, существованіе которой только-что примѣтили, то приходится посредствомъ вопросовъ вывѣдывать различныя части ея отъ одного лица или отъ нѣсколькихъ и затѣмъ расположить все, руководствуясь тѣми указаніями, которыя удастся получить. Этотъ способъ имѣетъ неиз-

---

[1]) La novellaja fiorentina. Fiabe e novelline stenografate in Firenze dal dettato popolare. Livorno, 1877.

бѣжные недостатки. Къ нему обращаются иногда, даже имѣя въ своемъ распоряженіи настоящихъ разсказчиковъ. Въ Англіи до сихъ поръ существовалъ обычай издавать народныя пѣсни въ *„сличеніяхъ“*, какъ обыкновенно выражаются. Дѣлается это слѣдующимъ образомъ: слагаютъ *варіанты*, давая только разъ то, въ чемъ они тожественны, между тѣмъ какъ части, развившіяся параллельно или слѣдовавшія одна за другою въ продолженіи жизни этой пѣсни въ нѣдрахъ народа, помѣщаютъ одну рядомъ съ другою или въ послѣдовательномъ порядкѣ; вслѣдствіе этого пѣсня образуетъ цѣлый томъ и принимаетъ совершенно нелѣпый видъ. Очевидно, этотъ методъ надо отвергнуть. Однако есть другой способъ „сличать“, который не заслуживаетъ того же приговора. Выслушавъ сказку въ болѣе или менѣе различномъ изложеніи отдѣльныхъ лицъ, легко можно попытаться слить во едино разныя редакціи, выбирая и примиряя части, кажущіяся лучшими и болѣе первобытными, и вновь построить такимъ образомъ, помощью анализа и синтеза, сказку, придавая ей форму, которую сочтутъ за истинную и первоначальную. Тутъ можно дѣйствовать болѣе или менѣе научнымъ образомъ, по научному критерію или же при помощи указаній инстинкта, вкуса и догадокъ, стараясь всегда сохранить образъ взглядовъ и мыслей народа. Народная словесность, изложенная по этимъ правиламъ, никогда не будетъ, разумѣется, *истинною* въ строгомъ смыслѣ слова; она никогда не будетъ въ состояніи, съ точки зрѣнія психологіи, миѳологіи и исторіи цивилизаціи народа, представить такой же интересъ, какъ словесность, сложенная самимъ народомъ. Тутъ всегда замѣтно нѣкотораго рода искусство, которое можетъ имѣть много литературныхъ достоинствъ. Если тотъ, кто этимъ занимается, одаренъ талантомъ и вкусомъ, то онъ можетъ даже воспроизводить идеи народа въ высшей степени вѣрно и совершенно, заслуживая самыхъ большихъ похвалъ. Но довольно рѣдко бываетъ, чтобы люди ученые могли сохранить или усвоить себѣ народное простодушіе, необходимое для достиженія умѣнья разсказывать, особенно на языкѣ говора, такъ, какъ это дѣлаетъ самъ народъ. Я могу еще прибавить, что врядъ ли можно будетъ ожидать со стороны народа другого участія въ дѣлѣ записыванія, кромѣ того, которое состоитъ въ устной передачѣ. У тѣхъ, которые имѣли бы желанныя качества, нѣтъ привычки владѣть перомъ, необходимой для того, чтобы быть въ состояніи естественно и непринужденно записывать сказку такъ, какъ ее разсказываетъ самъ народъ.

Какъ евристическимъ средствомъ, можно пользоваться рядомъ вопросовъ, чтобы найти слѣды народнаго преданія. Такъ, богатое собраніе Bartsch'a, подъ заглавіемъ Sagen, Märchen und Gebräuche aus Meklenburg, было составлено по этому методу. Mannhardt употребилъ то же средство для собиранія миѳовъ о земледѣліи, а во Франціи Sébillot составилъ и издалъ съ этою цѣлію „вопросникъ“ [1]). Это средство должно быть смѣло рекомендовано.

Что касается степени *приближенія къ народному произношенію*, то я предлагаю четыре слѣдующихъ способа:

1) передавать говоръ сколь возможно точно при помощи такой письменной *передачи звуковъ*, которая, по возможности, удовлетворяла бы требованіямъ *фонетики;* или же

2) передавать его *грубыми чертами* помощью обозначенія, которое въ общемъ не превышало бы по ясности обще-европейскій алфавитъ; или же

3) возвысить всѐ *до уровня литературнаго языка, что касается звуковъ и флексій,* не обмѣнивая, однако, слова говора на другія слова и не измѣняя ничего въ конструкціи предложеній — такъ сказать, приладивъ говоръ; или же, наконецъ,

4) воспользоваться *общимъ книжнымъ языкомъ также для словаря и конструкцій,* сохраняя, разумѣется, всѐгда соотвѣтствующій предмету слогъ.

Этотъ послѣдній методъ кажется мнѣ менѣе всего подходящимъ. Литературный языкъ находится въ такомъ особомъ состояніи, что онъ вовсе не поддается ясному воспроизведенію различныхъ фазисовъ народной жизни. Его форма не соотвѣтствуетъ содержанію, доставляемому этою жизнію. Литературный языкъ — языкъ слишкомъ абстрактный, способъ мышленія народа конкретный и вѣрно передается только говоромъ. Подобно тому, какъ филологъ не умѣлъ бы такъ пользоваться переводомъ, какъ подлиннымъ текстомъ, такъ точно, и даже еще по болѣе основательнымъ причинамъ, всякій, кто знаетъ народъ, не будетъ удовлетворенъ, видя, что внутренняя жизнь народа передана на удачу на языкѣ, постороннемъ этой жизни. Если сохранятъ словарь и синтаксисъ говоровъ, то, по крайней мѣрѣ, будутъ имѣть самое важное, хотя обязательно придется сожалѣть объ отсутствіи звуковъ и флексій говора, и тѣмъ болѣе, чѣмъ значительнѣе различіе между книжнымъ

---

[1]) Revue de linguistique et de philologie comparée par G. de Rialle et J. Vinson, 1880, стр. 249—264.

литературнымъ языкомъ и языкомъ разговорнымъ, такъ какъ послѣдній приближается всегда болѣе къ говорамъ. Я того мнѣнія, что эта форма представленія говоровъ публикѣ лучшее средство сдѣлать словарь ихъ болѣе извѣстнымъ; въ этомъ заключается также необходимая подготовительная работа къ тому, чтобы литературный языкъ обогащался мало по малу словами, могущими придать ему болѣе разнообразія, точности и поэтической красоты. Воспроизведеніе народной словесности, возможно вѣрное съ точки зрѣнія фонетики, представляетъ, судя по произведеннымъ у насъ опытамъ, слишкомъ много затрудненій. Нельзя будетъ и думать о приложеніи этой системы въ обширныхъ размѣрахъ. Читателю, если онъ не фонетикъ по профессіи, даже не представляется случая быть благодарнымъ за приложенный трудъ. Передавать говоръ грубыми чертами, какъ я предложилъ въ третьемъ пунктѣ, имѣетъ то преимущество, что знающій говоръ можетъ читать его правильно, между тѣмъ какъ тотъ, кто его не знаетъ, не испытываетъ непріятнаго впечатлѣнія отъ контраста между содержаніемъ и формою, впечатлѣнія, отъ котораго при другихъ обстоятельствахъ вы не съумѣли бы избавиться, если только не лишены окончательно вкуса. Почти такимъ образомъ издавались обыкновенно до нашего времени образчики говоровъ въ разныхъ странахъ Европы. Однако, слѣдуетъ посовѣтовать не придерживаться слишкомъ вѣрно историческаго, и поэтому именно недостаточно правильнаго, правописанія книжнаго языка [1]).

Для *словаря и грамматики,* напротивъ, положительно необходима *по возможности точная передача звуковъ.* Прежде всего, надо дать себѣ отчетъ въ недостаткахъ, неизбѣжно существующихъ во всякой письменной передачѣ звуковъ. Письмо, по характерному выраженію Paul'я [2]), представляетъ перерывы, оно служитъ для настоящаго языка тѣмъ, чѣмъ необходимо конечный рядъ чиселъ служитъ для непрерывной линіи. Звуки языка надо разсматривать, какъ станціи; предполагаютъ, что между этими станціями дорога слѣдуетъ природному направленію, опредѣляемому свойствами почвы. Вовторыхъ, число возможныхъ звуковъ неограниченно, если принимать это выраженіе въ его собственномъ и строго математическомъ

[1]) Многочисленные образчики народной словесности съ обозначеніемъ грубыми чертами, безъ большей части нелѣпостей обыкновеннаго правописанія, можно найти въ журналѣ шведскихъ говоровъ (Svenska landsmålen), напримѣръ, II, 7 и III, 2.

[2]) Paul, Principien der Sprachgeschichte, стр. 246.

смыслѣ; потому что всякое малѣйшее измѣненіе въ положеніи органовъ звука дѣйствительно производитъ новый звукъ. Между тѣмъ приходится довольствоваться возможностью распредѣлять звуки по группамъ и давать каждой группѣ, а не каждому звуку, особый знакъ. Терминъ *звукъ* получаетъ такимъ образомъ измѣненное значеніе, какъ приложенный къ одной изъ этихъ группъ, и каждому звуку позволительно колебаться въ извѣстныхъ предѣлахъ, при чемъ онъ не перестаетъ вслѣдствіе этого считаться тожественнымъ. Предѣлъ, за который не надо переступать, различая такимъ образомъ все меньшія и меньшія группы, опредѣляется практическими основаніями, распознавательною способностью тѣхъ лицъ, для которыхъ составлена эта система обозначенія. Физіологическій алфавитъ Bell'я можетъ различать въ теоріи 392 гласныхъ, но на практикѣ изъ нихъ употребляютъ 36. Въ составленіи *шведскаго алфавита говоровъ* мы вообще ограничились только письменною передачею звуковъ, которые были уже распознаны до насъ бывшими изслѣдователями.

Вотъ чего можно, ради практической пользы, требовать отъ обозначенія звуковъ: достаточной ясности, то-есть ограниченнаго числа буквъ и удобства для письма и печати. Отличный алфавитъ предлагаетъ „Visible speech" Bell'я [1]). Этотъ алфавитъ систематично указываетъ каждымъ своимъ знакомъ отправленія органовъ при порожденіи соотвѣтственнаго звука. Но выгоды этой системы достигаются при помощи знаковъ совершенно не зависящихъ отъ всѣхъ до сихъ поръ употребляемыхъ алфавитовъ, такъ что они не имѣютъ, напримѣръ, ни малѣйшаго сходства — развѣ только случайное — съ нашими обыкновенными буквами. Мнѣ кажется, что въ недалекомъ будущемъ подобный алфавитъ не будетъ вовсе употребляться даже лингвистами по профессіи, а тѣмъ болѣе какими-либо спеціалистами въ области фонетики. Особенно имъ никогда нельзя будетъ пользоваться въ изслѣдованіяхъ, относящихся къ говорамъ, въ томъ случаѣ, если хотятъ добыть себѣ сотрудниковъ, не получившихъ научнаго образованіи, не говоря уже о занятіи лингвистическомъ, фонетическомъ. Впрочемъ, такой алфавитъ можно будетъ употреблять съ полною пользою лишь тогда, когда фонетика станетъ нау-

[1]) Авторъ слишкомъ хорошаго мнѣнія о графикѣ Bell'я, подобно тому, какъ другіе о его фонетикѣ. У Bell'я нѣтъ твердаго физіологическаго основанія, безъ котораго и его системы гласныхъ и согласныхъ и ихъ транскрипція, не смотря на плѣнительный наружный видъ, не могутъ имѣть значенія. Срв. Techmer, Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft. I, 156.

кою точною, съ мѣрами выраженными въ миллиметрахъ, и съ аналитическими формулами для точнаго описанія формы языка, впадины рта и проч.

Пока, надо пользоваться обще-европейскимъ алфавитомъ, *алфавитомъ латинскимъ,* какъ точкою исхода и основаніемъ. Впрочемъ, всякій увидитъ, что этотъ алфавитъ вполнѣ достаточенъ для словаря и грамматики, и его не надо дополнять *новыми буквами.* Можетъ быть нѣсколько мнѣній относительно метода, которато слѣдуетъ держаться при созданіи этихъ буквъ. Max Müller, Ellis и Sweet настоятельно высказываются въ пользу употребленія разныхъ шрифтовъ общаго алфавита. Они перемѣшиваютъ буквы римскія (antiqua) и курсивныя, прописныя и строчныя; опрокидываютъ ихъ или комбинируютъ группами по двѣ или по три, получая такимъ образомъ большое число мнимыхъ буквъ, изъ которыхъ выбираютъ случайно или по извѣстному плану знаки для обозначенія спеціальныхъ звуковъ. Выгода такого алфавита состоитъ въ томъ, что во всѣхъ типографіяхъ есть нужныя для напечатанія его литеры. Его неудобства довольно многочисленны. Прежде всего, его трудно писать; различать при помощи письма буквы римскія (прямыя) и курсивныя совершенно невозможно; прибѣгаютъ къ подчеркиванію, вслѣдствіе чего написанное и напечатанное несходны между собою; нѣкоторыя изъ нашихъ обыкновенныхъ буквъ весьма трудно писать такъ, чтобы онѣ были опрокинуты; будучи напечатано, цѣлое имѣетъ чрезвычайно запутанный видъ. Письмо при помощи двойныхъ или тройныхъ линій очень трудно разбирать. Если бы я написалъ небольшое сочиненіе на какомъ угодно языкѣ по системѣ Sweet'a (Handbook of phonetics), никто — развѣ только спеціалистъ — не могъ бы отгадать, что я написалъ, будь то родной его языкъ; онъ скорѣе подумалъ бы, что это написано на языкѣ первобытныхъ жителей Америки [1]). Все это лишь способъ, употребленный за неимѣніемъ лучшаго. Имъ пользовались, впрочемъ, только въ Англіи.

По другой системѣ, обыкновенныя буквы снабжаются *діакритическими знаками,* точками, тире, крючками, кружками и проч. снизу и сверху. Къ этимъ мистическимъ символамъ питаютъ святое благоговѣніе, — символамъ, происхожденіе которыхъ восходитъ до береговъ Нила и древняго міра пирамидъ, и которые потомъ,

---

[1]) Sweet отказался впослѣдствіи отъ двойныхъ линій и составилъ „палеотипическую“ систему простыхъ знаковъ.

постепенно измѣняясь, ходили, какъ пилигримы, изъ страны въ страну. Но наше время имѣетъ притязаніе быть нѣсколько избавленнымъ отъ суевѣрія. Довольно часто придерживаются ложнаго мнѣнія, что такъ какъ въ типографіяхъ есть буквы, точки, тире и проч., то должно быть весьма легкая вещь комбинировать ихъ по желанію. Но если вы обратитесь къ типографу, то послѣдній, при желаніи быть добросовѣстнымъ, начнетъ вычислять стоимость столькихъ-то пунсоновъ у гравера и столькихъ-то сотенъ фунтовъ шрифту въ словолитнѣ. Помѣстить отдѣльные знаки снизу и сверху линіи — испугаетъ любого наборщика. Эта система представляетъ три другихъ неудобства. Трудно писать, если требуется, установивъ форму буквъ, присоединить къ нимъ на опредѣленномъ мѣстѣ дюжину или полдюжины діакритическихъ знаковъ. Lepsius, напримѣръ, въ своемъ Standard alphabet употребляетъ ⁰, ⁰̤, ⁰̲, ⁰̣, ⁰̥, съ еще бо̀льшимъ числомъ знаковъ сверху для носовыхъ. Ихъ трудно печатать, потому что точки легко ломаются при печатаніи. И гдѣ поставить знаки количества, музыкальнаго ударенія, придыханія, когда мѣсто снизу и сверху буквъ уже занято?

Напротивъ, если достигнутъ новыхъ необходимыхъ знаковъ, *преобразуя* обыкновенныя *буквы* по опредѣленнымъ правиламъ, то можно обозначить качество звуковъ — то-есть различные *звуки* языка, по обыкновенному выраженію — буквами въ строкѣ, количество и ударенія значками снизу и сверху строки, по правилу: *similia similibus* и *dissimilia dissimilibus*. Примѣры подобныхъ алфавитовъ — которые я назвалъ бы охотно однимъ словомъ *органическими*, потому что новые знаки однородны съ прежними — англійскій алфавитъ Pitman'a [1]) и алфавитъ шведскихъ говоровъ, употребляемый въ журналѣ Swenska landsmålen [2]) Существуетъ проектъ подобнаго алфавита, выработанный такимъ въ высшей степени практическимъ человѣкомъ, какъ Веніаминъ Франклинъ [3]).

Что касается распознаванія различныхъ звуковъ, то лучше всего придерживаться историческихъ данныхъ и вообще *не проводить анализъ слишкомъ далеко,* чтобы всякій, одаренный нормальными способностями, могъ слѣдить за нимъ. Сотня буквъ можетъ понадобиться для обозначенія всѣхъ говоровъ языка, хотя каждый

---

[1]) См. Phonetic journal, давно издаваемый I. Pitman'омъ, и другія имъ изданныя книги.

[2]) Utgifven genom I. A. Lundell. Stockholm, Samson & Wallin.

[3]) Works. By I. Sparks. Vol. VI (Boston 1840), стр. 295—303.

говоръ отдѣльно можетъ довольствоваться гораздо болѣе ограниченнымъ числомъ. Это число буквъ необходимо, если пожелаютъ, чтобы одинъ и тотъ же знакъ не выражалъ въ разныхъ говорахъ различные звуки,— для того, чтобы облегчить сравненіе однородныхъ говоровъ. Тотъ, кто занимается только однимъ говоромъ, конечно, не обезпокоенъ запутанностью, происходящею отъ того, что одни и тѣ же знаки въ разныхъ говорахъ обозначаютъ различное, и различные знаки одно и то же. Но когда надо разсуждать сразу о пятидесяти или даже сотнѣ говоровъ, имѣющихъ каждый свою систему знаковъ, то получится *вавилонское столпотвореніе* въ миніатюрѣ, способное внушить вамъ отвращеніе ко всему труду. Алфавитъ можно сравнить съ математическими знаками и терминами. Если бы разные математики употребляли различные знаки для сложенія, дѣленія, равенства, тригонометрическихъ функцій, предѣловъ и проч., еслибы одинъ разумѣлъ подъ гиперболой то, что̀ другой называетъ эллипсисомъ, если бы знакъ интеграла у одного былъ бы синусомъ у другого и проч. и проч., — конечно, такой порядокъ вещей не благопріятствовалъ бы развитію математическихъ наукъ. Сверхъ того, такъ какъ вещи однородны, то это можетъ быть приложено къ лингвистикѣ и особенно къ изученію говоровъ.

Споры о формѣ спеціальныхъ знаковъ вообще безполезны, потому что выборъ ихъ зависитъ часто отъ личнаго вкуса. Но *отсутствіе согласія* на почвѣ одного и того же языка или языковъ однородныхъ по истинѣ такъ неудобно, что склонны дать преимущество, при непрерывныхъ попыткахъ на новые проекты, даже недостаточной системѣ, разъ только ей вообще удастся утвердиться. Въ Швеціи можно, мнѣ кажется, считать алфавитъ, созданный обществами для изученія говоровъ, фактомъ установившимся. Въ Германіи до сихъ поръ напрасно пытались сговориться о такомъ единствѣ. По естественнымъ причинамъ дѣло представляетъ въ этой странѣ болѣе значительныя затрудненія.